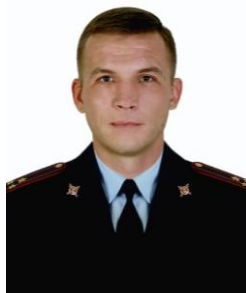

УДК 316.325

Р.А. Лубский

**ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
И МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В статье раскрывается влияние государственности на мобилизационно-модернизационный характер развития российского общества. Рассматриваются модели его модернизации в конце XX – начале XXI в.

Ключевые слова: *государственность, мобилизационно-модернизационный тип развития общества, либеральная модернизация, парциально-либеральная модернизация, линейно-либеральная модернизация, консервативный поворот в сознании, этатистская модернизация, имперская модернизация.*

Лубский Роман Анатольевич

Кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России

E-mail: roma-thebest@mail.ru

© Лубский Р.А., 2014

R.A. Lubsky

**STATEHOOD
AND MODERNIZATION
MODELS IN MODERN RUSSIA**

In article influence of statehood on mobilization and modernization nature of development of the Russian society reveals and models of its modernization at the end of XX – the beginning of the XXI century are considered.

Key words: *statehood, mobilization and modernization type of development of society, liberal modernization, partial-liberal modernization, linear-liberal modernization, conservative turn in consciousness, etatistic modernization, imperial modernization.*

Lubsky Roman A.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor, doctoral candidate of chair of philosophy and sociology of the Ministry of Internal Affairs Krasnodar university of Russia

E-mail: roma-thebest@mail.ru

© Lubsky R.A., 2014

В начале XXI в. заметно усилилась роль государства в различных сферах российского общества. Это свидетельствует, как отмечают исследователи, о традиционном для России процессе приспособления политической системы к такому типу развития, доминантой которого выступает государствоцентричная матрица [1, с. 60-61]. Ее основой является государственность, которая, с одной стороны, придает развитию российского общества мобилизационный характер, а с другой – перманентно инициирует его модернизацию.

В настоящее время существует значительный массив полемических текстов, авторы которых стремятся теоретически осмыслить проблемы и результаты этатистского варианта модернизации. При этом они делают вывод о том, что в одних странах он оказался достаточно продуктивным, чему способствовало критическое отношение к модернизации в более развитых странах и способность политической элиты «сильного государства» предложить свои оригинальные ее модели. В других странах этот вариант модернизации сопровождался развитием общества, но не в том направлении, которое изначально предполагалось в моделях модернизации, разработанных на примерах успешных преобразований [2, с. 3; 3, с. 21].

Рассматривая проблемы этатистской модернизации российского общества, одни исследователи полагают, что современная Россия, как и большинство стран мира, уверенно идет по пути модернизации, другие констатируют ее очередной срыв. Некоторые ученые вообще считают, что у нас подлинная модернизация невозможна [4, с. 62–65; 5]. Все попытки модернизации России сверху, подчеркивает Л.Д. Гудков, заканчивались плачевно, не обязательно в силу какого-то внешнего подавления, а скорее из-за внутреннего сбоя [6, с. 27].

В научной литературе уже рассматривались отдельные вопросы, связанные с этатистской модернизацией российского общества в условиях его мобилизационного развития. При этом исследователи отмечают, что в России государство неоднократно приступало к модернизации общества методами мобилизации, и такие методы иногда оказывались результативными. В связи с этим учеными предложены концепции долгих циклов российской истории, главной переменной в которых является государственный успех [7, с. 167–173; 8, с. 88–112], и кратких циклов, переменной которых является свобода [9]. Некоторые исследователи рассматривают циклы модернизационного процесса в контексте реформ и контрреформ в российском обществе [10].

В результате сопоставления моделей долгих и коротких циклов модернизации в России Н.С. Розов пришел к выводу, что каждый долгий цикл начинался как «Авторитарный откат», который поддерживался расширяющимся кругом нового «служилого класса», а созданный таким об-

разом мобилизационный режим осложнялся короткими циклами «Либерализации» и «Авторитарного отката». При этом, как отмечает Н.С. Розов, ни один такт «Либерализация» в России не приводил к долговременному и общепризнанному государственному успеху. Каждый раз этот такт сопровождался недовольством социальных групп и вызывал острые социальные конфликты, что в свою очередь приводило к противоположному такту – «Авторитарному откату», в рамках которого происходило возрождение власти консервативных политических сил [11, с. 145].

В исторической динамике России Н.С. Розову удалось выявить два варианта повторения одних и тех же тактов: 1) «Социально-политический кризис» – «Либерализация» – «Авторитарный откат»; 2) «Социально-политический кризис» – «Авторитарный откат» – «Успешная мобилизация» – «Стабильность/стагнация». Наличие в исторической динамике России повторяющихся тактов свидетельствует, как считает Н.С. Розов, о наличии и действии одного и того же воспроизводящегося глубинного социального механизма [11, с. 153-155]. В связи с этим мобилизационная модернизация в России всегда заканчивалась, как отмечают исследователи, некоторым скачком в развитии страны, застоєм, деградацией и сползанием в историческую колею [12].

Таким образом, проторенная колея мобилизационно-модернизационного развития российского общества позволяла, как отмечают исследователи, государству действовать на отдельных участках достаточно эффективно [13]. Но в целом в результате такой «абортивной модернизации» [14, с. 4-11] великая держава раз за разом оказывалась второразрядной страной с трагическим прошлым и великой культурой. Отдельные исследователи считают, что в современных условиях социальная мобилизация в российском обществе вообще не возможна, поскольку за прошедшие десятилетия этика свободного, но упорного труда испарилась, а с нею «ушли» и потенциальные лидеры российской модернизации [15].

Особенности мобилизационно-модернизационного развития российского общества обусловлены, с одной стороны, типом общества, к которому оно относится, с другой – ролью и спецификой российской государственности.

В современной науке выделяют экономический тип общества, в котором преобладают экономические факторы и рационализм, и политический тип, где доминируют политические факторы и патримониализм. В экономическом обществе властные отношения устанавливаются собственниками экономического капитала, поэтому обладание властными полномочиями становится возможным только после получения определенного уровня благосостояния.

В политическом обществе основным видом капитала является капитал политический, который выступает залогом материального благопо-

лучия, так как приносит материальный доход, обусловленный местом в политической иерархии. Приоритеты экономического развития в политическом обществе определяются соображениями политической конъюнктуры, что приводит к симуляции экономического политическим. Политическое общество отличается от экономического тем, что получение богатства в нем напрямую связано с обладанием властными полномочиями, поэтому основным способом приобретения капитала являются ресурсы государства, а не рынка.

Россия по многим параметрам относится к политическому обществу, однако в нем, как отмечают исследователи, длительные периоды политической стимуляции сменялись относительно короткими периодами экономической модернизации. При этом исследователи подчеркивают, что периоды авторитарных режимов в России всегда приходили и приходят на смену периодам экономической «оттепели», при которых государство ослабляет контроль над экономикой, что приводит к появлению относительно независимого от власти класса экономических собственников. Процессы либерализации в России традиционно вносят хаос и анархию в государственное управление, вызывают чувство тревоги у правящей политической элиты и приводят к очередному политическому кризису. Чем дальше заходит процесс экономизации, угрожающий целостности государства, тем более жестким становится государственный контроль, призванный восстановить порядок и государственность [16, с. 5]. В связи с этим российское общество следует рассматривать не просто как тип политического общества, а как тип государственно-центристского общества, в развитии которого особую роль играет государственность.

В научном дискурсе существуют различные представления о том, что такое государственность и какова ее специфика в России [17, с. 8]. Государственность, на наш взгляд, целесообразно рассматривать как государственно-организованную форму общества, включающую государственно-правовые институты, национально-государственную идею и практику ее реализации. Государственно-правовые институты, являющиеся основой управления обществом, выполняют интеграционную, мобилизационную и регулятивную функции. Специфика российской государственности обусловлена в первую очередь тем, что она выступает матрицей российской цивилизации, доминантной формой ее социальной интеграции. Российская государственность, являясь доминантной формой интеграции, с одной стороны, политическим «обручем» скрепляет разнородные земли, народы и культуры, а с другой – формирует единый для цивилизационного ареала нормативно-ценностный порядок, или символический универсум. Этот порядок представляет собой генерируемые государственной властью духовные принципы национального единства, или то, что получило название «национально-государственной идеи» как системы представлений об

идеалах и долговременных целях развития, а также о принципах взаимодействия государства с обществом, человеком, окружающей средой и окружающим миром [18; 19].

Специфика российской государственности заключается также в том, что она задает обществу, с одной стороны, мобилизационный характер развития, а с другой – перманентно инициирует в нем модернизационные процессы. В результате развитие российского общества приобретает гибридный – мобилизационно-модернизационный – характер, с доминированием в этом развитии государственно-бюрократического начала.

В модернизационном процессе в России в конце XX – начале XXI в. можно выделить два этапа: 1) 90-е гг. – модернизация в русле либеральной версии; 2) начало XXI в. – переход к этатистской версии модернизации.

На первом этапе модернизационные усилия реформаторов были направлены на изменение вектора развития российского общества в либеральном направлении в русле догоняющего развития. Характеризуя либеральную модель модернизации, некоторые исследователи рассматривают ее как один из проектов самовестернизации, которая осуществляется на основе культурно-цивилизационного опыта Запада, предполагающего либеральную трансформацию российского общества. В рамках этого проекта либеральная модернизация, как отмечают исследователи, «проводится для изменения общества и освобождения человека, восприятия не только технико-технологического инструментария западной цивилизации современности, но и процессов, которые привели к созданию этого инструментария, восприятия западных по своей генеалогии институций, норм, ценностей, моделей поведения» [20, с. 25-26].

Таким образом, либеральная модель модернизации предполагает утверждение частной собственности и правовых гарантий ее неприкосновенности, рыночных отношений, основанных на свободе конкуренции; формирование среднего класса и гражданского общества; переход к правовому государству и демократическому политическому режиму, основанному на приоритете прав человека; сведение роли государства в обществе до минимума, доминирование либеральных ценностей, основу которых составляет свобода как возможность ответственного выбора. Реализация либеральной модели модернизации в 90-х гг. прошлого века в России нашла отражение в приватизации, установлении режима частной собственности, рыночных отношений, провозглашении демократических свобод и распространении либеральных ценностей.

Исследователи в большинстве своем сходятся в оценке реформ 90-х гг., которые были направлены на экономическую либерализацию и политическую демократизацию российского общества и сведение роли государства только к поддержанию в нем «правил игры». Радикальные рефор-

маторы надеялись на «невидимую руку рынка», и поэтому роль государства в экономической сфере ограничили контролем за рядом макроэкономических показателей. Кроме того, им казалось, что если людей поставить в новые экономические и институциональные условия, то они будут действовать в соответствии с новыми «правилами игры». Однако задаваемые сверху «правила игры» становятся социальными институтами только в случае предварительной их легитимации со стороны тех, кто вынужден по этим правилам играть. В российском обществе этого не произошло, и поэтому реформы 90-х гг., запустившие рыночные «механизмы», сопровождались институциональными сбоями и завершились одним из самых тяжелых в истории России экономическим кризисом 1998 г., деиндустриализацией, сокращением социальной базы преобразований и ростом негативного отношения к ним россиян. Так, в 2001 г., согласно результатам социологических исследований, доминантой общественного сознания в России было недовольство реформами: об этом говорили 59 % опрошенных; в то время, как в поддержку преобразований выступали 28 % россиян [21, с. 9]. Побочным продуктом либеральной модернизации, прежде всего в экономической сфере, стало появление негативной мобилизации как контрмодернизационной стратегии поведения российского общества в условиях кризиса [22]. В целом реформы 90-х гг. в России привели не к тому результату, на который рассчитывали реформаторы [2, с. 3].

В 2000 г. после смены президентской, законодательной и исполнительной власти в России была выбрана этатистская модель модернизации взамен либеральной [23, с. 21-24]. Это было обусловлено не только негативными последствиями реформ в различных сферах жизни российского общества, но и консервативным поворотом в общественном сознании. Об этом свидетельствуют социологические исследования Института социологии РАН, проводившиеся в течении двадцати лет после начала реформ в России.

В процессе трансформации российского общества, как отмечает директор этого института М.К. Горшков, в массовое сознание россиян, которые стали в целом ориентироваться на современные формы жизни и хозяйствования, прочно вошли демократические ценности и понятия рыночной экономики. Вместе с тем тенденции, выявленные в ходе социологических исследований, позволяют говорить о том, что российский путь модернизации вряд ли поддается унификации и стандартизации. Об этом свидетельствует динамика массового сознания и трансформация моделей массового поведения в контексте российских реформ последних двух десятилетий.

В этой динамике исследователь выделяет два периода: 1) 90-е гг. прошлого столетия – время увлечения россиян западным опытом, сопровождавшегося настойчивыми попытками переноса на российскую почву

различных образцов и моделей зарубежного происхождения; 2) рубеж XX и XXI в. – время возвращения от западнических увлечений периода становления демократии к традиционно российским представлениям, ценностям и установкам. Консервативный поворот в массовом сознании россиян на рубеже веков, во-первых, актуализировал целый ряд особенностей российской социокультурной среды, относительно независимых от колебания политической конъюнктуры и способных заново воспроизводиться в меняющихся исторических условиях. Во-вторых, исчезли сомнения по поводу правомерности постановки вопроса о специфике российской модернизации и стало ясно, что ее стратегия не может быть оторвана от национального опыта и должна учитывать особенности российской ментальности, в частности, ценности и установки россиян, традиционно ориентированных на сильное государство, не только поддерживающее «правила игры», но и способное к активному целеполаганию.

В результате, как подчеркивает М.К. Горшков, в российском обществе, с одной стороны, наблюдается возрождение традиционной «русской власти» со своей социальной базой и политическими приоритетами, а с другой – большинство россиян сегодня, осознавая реалии нового, XXI столетия, выступает за концентрацию усилий общества и государства на качественном повышении уровня жизни, обеспечении в обществе социальной справедливости, преодолении коррупции, развитии науки и образования, сохранении и даже упрочении ряда демократических институтов (выборность, свобода слова, свобода предпринимательства, свобода выезда за рубеж) [24, с. 640-644].

Переход к этатистской модели модернизации переформулировал повестку дня в политическом дискурсе: приоритетом стало формирование в России «сильного государства». Поэтому в Посланиях В.В. Путина Федеральному Собранию в период первого срока его президентского правления внимание акцентировалось на необходимости укрепления «вертикали власти», а сама риторика модернизации сводилась к ситуативному прагматизму, связанному с оптимизацией уже имеющихся экономических ресурсов с целью социальной стабилизации. Модернизация переводилась в плоскость преодоления имеющихся недостатков в развитии различных сегментов российского общества (промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение, образование и т.д.) и необходимости их обновления. Прагматический концепт модернизации стал использоваться преимущественно как синоним обновления [25; 26; 27].

Ситуация с идеей модернизации в России изменилась в связи с избранием Президентом Российской Федерации Д.А. Медведева. В 2008 г. Министерством экономического развития Российской Федерации была предложена Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г., которая была призвана обосновать государственный

курс, направленный на развитие в первую очередь инновационного и постиндустриального секторов российской экономики [28]. Была выбрана модель парциальной (частичной) либеральной модернизации российского общества. Теоретики этой модели еще в 70–80-х гг. прошлого века обращали внимание на неоднородность обществ-реципиентов в плане возможностей их либеральной модернизации. Они считали, что в одних случаях модернизация в обществе может пойти очень далеко, в других – общество будет сопротивляться институциональным преобразованиям. В таком обществе старые и новые институты, сплетаясь в причудливые структуры, могут сохраняться на протяжении длительного времени. В результате такие общества-реципиенты могут надолго застрять на стадии «частичной» модернизации [29].

В 2009 г. была опубликована программная статья Президента России Д.А. Медведева «Россия вперед!», в которой он изложил свое представление о будущем развитии страны. В этой статье в качестве национально-государственной идеи была предложена новая модель модернизации в России, которая нашла отражение и в Послании Президента Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. В нем Д.А. Медведев заявлял, что «точечная модернизация» в постсоветской России оказалась неэффективной, поэтому в перманентной модернизации нуждаются не отдельные сегменты общества, а буквально все, и прежде всего сами модернизаторы, т.е. элиты и государство. «В XXI в. нашей стране, – отметил Д.А. Медведев, – вновь необходима всесторонняя модернизация». В Послании также подчеркивалось, что быстрой модернизации в России уже не произойдет, зато впервые в российской истории это будет модернизация, основанная на инновациях, на ценностях и институтах демократии, являющаяся вопросом «выживания нашей страны в современном мире» [30].

В результате в политическом дискурсе была актуализирована модель линейной модернизации с либеральной спецификой. Сторонники этой модели считали, что модернизация должна сопровождаться изменениями во всех областях общественной жизни и человеческой жизнедеятельности [31]. При этом предполагалось, что образец такой модернизации в условиях постиндустриального прорыва задают наиболее продвинутые в этом отношении страны-экспортеры «инновационного развития».

Однако реализовать на практике концепт линейной модернизации, получившей в России название инновационно-демократической, не удалось. Во-первых, она не стала национально-государственной идеей и, соответственно, не удалось мобилизовать социальные ресурсы на ее осуществление. Во-вторых, провалилась также попытка реализовать этот концепт модернизации на основе так называемого креативного класса, субъектного и способного к инновациям, поскольку такого класса в России не оказалось. В-третьих, сама идея такой модернизации оказалась не леги-

тимной, поскольку не встретила поддержки со стороны основных социальных групп российского общества. В-четвертых, даже элита российского общества, которая в риторике модернизации должна была выступать ее основным субъектом, не стала таковым, поскольку, как заявил один из либеральных реформаторов А. Чубайс, выступая на Пермском экономическом форуме в сентябре 2010 г., российской элите не хватает интеллекта, поэтому в стране никак не может начаться модернизация [32].

У линейно-либеральной модернизации в России не оказалось субъекта, и она стала превращаться в имитацию и замещаться симулякрами. В массовом сознании произошла дискредитация самой идеи модернизации, сопровождаемая усилением недовольства значительной части российского общества не только результатами реформ в России, но и их целями [21, с. 25-36].

В 2012 г. в связи с избранием В.В. Путина Президентом Российской Федерации в политическом дискурсе вновь произошла смена политической повестки дня. В Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 г. был обозначен возврат к государственноцентричной матрице развития российского общества и необходимости его «обновления». В Послании признавалась необходимость модернизации политической системы в России, однако при этом подчеркивалось, что «платить за жажду перемен разрушением самого государства недопустимо», поэтому в качестве базового условия развития России, прежде всего, был назван моральный авторитет государства, и в связи с этим было заявлено, что политика очищения власти и ее кадровое обновление будет проводиться твердо и последовательно. В Послании речь шла также о беспрецедентных средствах, выделяемых на гособоронзаказ и модернизацию оборонно-промышленного комплекса. Было сказано также о необходимости качественного обновления экономики и промышленности с целью ухода от сырьевой зависимости. Новации в концепте «обновления» были связаны с необходимостью придать этим «обновлениям» социальную направленность [33]. В Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации в 2013 г. речь идет уже только о модернизации оборонно-промышленного комплекса и обновления высшего образования и кадрового потенциала страны [34].

Таким образом, следует отметить, что в последнее время приоритеты развития России изменились, а сама тема модернизации российского общества в политической повестке дня постепенно становится маргинальной. Об этом, в частности, свидетельствует контент-анализ Посланий Федеральному Собранию Президента Российской Федерации Д.А. Медведева в 2009 г. и Президента Российской Федерации В.В. Путина в 2012 и 2013 г. В Послании 2009 г. слова модернизация и инновация (и производные от них) употреблялись, соответственно, 18 и 14 раз; в Послании 2012 г. слово

модернизация – всего 2 раза, инновация – ни разу. В Послании 2013 г. слово модернизация встречается 1 раз, инновация – 3 раза, но в критическом контексте (в плане необходимости провести серьезную инвентаризацию институтов развития, связанных с инновациями).

В настоящее время можно констатировать, что в контексте актуализации в России дискурса об особенностях культурно-исторического кода и необходимости формирования национальной идентичности [35], «сохранения в российской политической культуре выраженной тяги к ревитализации империи» [36], очередного «витка» противостояния Западу и реализации Евразийского проекта, а также модернизации вооруженных сил произошел отказ от либеральной модели модернизации линейного характера и начался возврат к элементам ее имперской модели.

В научной литературе предлагается две трактовки имперской модернизации в России. Согласно одной из них, социальные преобразования в России проводились прежде всего для укрепления военно-политического статуса и геополитического положения российской империи, а также с целью усиления ее военно-технического потенциала и сохранения национальной безопасности [37]. В связи с этим основной целью имперской модернизации было создание мощной армии, оснащенной новейшим вооружением, и совершенствование военно-промышленного производства, что в свою очередь стимулировало развитие собственной науки и техники и приводило к росту научно-технического потенциала государства. И в этом плане имперская модернизация в рамках «догоняющего развития» способствовала сокращению социально-экономического разрыва между Россией и западными странами. При этом исследователи делают вывод о том, что модернизация в России может успешно осуществляться лишь на почве собственных национальных традиций [38].

Согласно другой трактовки, имперская модернизация в России вообще не имеет отношения к концепции «догоняющего развития», поскольку в российском обществе отсутствовали социокультурные предпосылки для перехода к экономическому обществу западного типа. В связи с этим исследователи считают, что использование понятия «догоняющее развитие» применительно к России является некорректным, поскольку целью российских модернизаций не является смена социокультурных оснований российской цивилизации западной цивилизационной парадигмой.

Рассматривая имперскую модернизацию в России как следствие ее исторического взаимодействия с западной цивилизацией, исследователи отмечают, что задачи этой модернизации, с одной стороны, состоят в том, чтобы «взять у противника лишь те элементы, которые позволяют противостоять ему (в более мягком варианте – конкурировать)». С другой стороны, имперская модернизация «предполагает не структурную трансформацию общества, но преимущественно изменения внутри тех или иных сфер,

прежде всего связанных с потребностями военного строительства». Реализуя модель имперской модернизации, государство стремится овладеть притягательными благами либеральной цивилизации – товарами, знаниями, технологиями. Однако имперское сознание, боясь перерождения, отвергает ту ценностную систему, которая эти блага порождает. Поэтому западное культурное влияние и проникновение в российскую социокультурную систему инокультурных элементов во многом определяют амбивалентное чувство притяжения и отторжения, которое испытывает и имперская элита, и подданные империи в отношении Запада. В связи с этим исследователи отмечают, что в результате взаимодействия с западной цивилизацией в России постоянно воспроизводится такой модернизационный процесс, в котором доминирующая модель имперской модернизации чередуется с ее либеральной моделью [20, с. 34-36].

В настоящее время отказ от либеральной модели модернизации сопровождается переходом к ее имперской модели в варианте позднего модерна, поскольку российское общество является урбанизированным и в стране существуют крупные промышленные и финансовые корпорации. О переходе к этой модели свидетельствует, во-первых, выделение значительных средств на гособоронзаказ и модернизацию оборонно-промышленного комплекса, во-вторых, установка на необходимость использования в полной мере этих средств для обновления промышленности, развития науки и технологий в целом [31]. Так, в Послании Федеральному Собранию Президент В.В. Путин в 2013 г. отметил: «Средства, которые мы выделяем на перевооружение армии и флота, на модернизацию оборонно-промышленного комплекса, как вы знаете, беспрецедентны. Они достигают цифры 23 триллиона вместе, 23 триллиона рублей. В ближайшее десятилетие предприятия ОПК страны будут полностью загружены заказами. Смогут обновить свою производственную базу, создать качественные рабочие места... Уже сейчас мы должны думать, как будут загружены предприятия ОПК после выполнения гособоронзаказа, после 2020 года. Нельзя допустить, чтобы эти предприятия оказались переразмеренными и невос требованными» [34].

В целом по поводу выбора модели модернизации в России сегодня можно сказать, что «нация ушла в отпуск», поскольку новые оригинальные идеи модернизации российского общества еще не рождены, а прежние оказались исчерпанными. В связи с этим, как отмечают некоторые исследователи, модернизация российского общества в условиях этатистско-мобилизационного характера его развития может быть успешной в том случае, если модернизационный проект будет общенациональной стратегией, обеспечивающей не только мобилизацию ресурсов для решения задач модернизации, но и заинтересованность значительной части общества в осуществлении этого проекта [39].

Будущее российской государственности и модернизации, по-видимому, связано с реализацией концепта многолинейной модернизации, который включает, во-первых, отказ от односторонней линейной трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей, во-вторых, признание конструктивной, положительной роли государства и социокультурной традиции в ходе реализации модернизационного проекта.

Литература

1. *Ворожейкина Т.Е.* Государство и общество в России: исчерпание государствоцентричной матрицы развития // Политические исследования. 2002. № 4.
2. Э статистские модели модернизации. М.: ИНФРАН, 2002.
3. *Зворыкин Б.Д.* Э статистская модель социальной модернизации: влияние политических режимов и современный опыт реализации // Власть. 2009. № 3.
4. *Шевелев В.Н.* Полемика о модернизации России в пространстве отечественного социально-гуманитарного знания // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7.
5. *Орешкин Д.* Почему в нынешней России невозможна модернизация // Новая газета. 2009. 10 апр.
6. Социокультурные особенности российской модернизации: материалы «круглого стола». М.: Экон-Информ, 2009.
7. *Вишневецкий Р.В.* Модернизационные циклы в русской истории // Материалы V Кондратьевских чтений «Теория предвидения и будущее России». М.: Институт экономики РАН, 1997.
8. *Hellie R.* The Structure of Russian Imperial History // History and Theory. Studies in the Philosophy of History. 2005. Vol. 44. № 4.
9. *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Геоэкономическая политика и глобальная

References

1. *Vorozheykina T.E.* The state and society in Russia: exhaustion of «the state in the center» matrix of development // Political researches. 2002. № 4.
2. Etatistic models of modernization. M.: INFRAN, 2002.
3. *Zvorykin B.D.* Etatistic model of social modernization: influence of political regimes and modern experience of realization // Power. 2009. № 3.
4. *Shevelev V.N.* Polemic about modernization of Russia in space of domestic social and humanitarian knowledge // Social and humanitarian knowledge. 2012. № 7.
5. *Oreshkin D.* Why modernization in modern Russia is impossible // the New newspaper. 2009. 10 April.
6. Sociocultural features of the Russian modernization: materials of a round table. M.: Ekon-Inform, 2009.
7. *Vishnevsky R.V.* Modernization cycles in the Russian history // Materials of V Kondratyevs readings «The theory of anticipation and the future of Russia». M.: Institute of economy of the Russian Academy of Sciences, 1997.
8. *Hellie R.* The Structure of Russian Imperial History // History and Theory. Studies in the Philosophy of History. 2005. Vol. 44. № 4.
9. *Lapkin V.V., Pantin V.I.* Geoeconomic policy and global political

политическая история. М.: Олита, 2004.

10. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М.: Изд-во МГУ, 1996.

11. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 145.

12. Национальные ценности и российская модернизация: пересчет маршрута. Лекция Александра Аузана [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2008/10/22/auzan.html>.

13. Лоскутов В.А. Модернизация или мобилизация? // Вопросы управления. 2010. № 1(10).

14. Гудков Л.Д. Abortивная модернизация. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

15. Яницкий О.Н. Социальный коридор российской модернизации [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_modern_2.html.

16. Крыштановская О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. Т. XIII. № 4.

17. Лубский А.В. Государственность как матрица российской цивилизации // Гуманитарный ежегодник. 4. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005.

18. Лубский А.В., Лубский Р.А. Цивилизационная идентичность как фактор формирования российской государственности // Философия права и вопросы формирования современной государственно-правовой идеологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции 24–25 октября 2001 г. Ростов н/Д: РЮИ МВД

history. М.: Olita, 2004.

10. Ilyin V.V., Panarin A.S., Akhiezer A.S. Reforms and counterreforms in Russia. Cycles of modernization process. М.: Moscow State University publishing house, 1996.

11. Rozov N.S. Track and pass: the macrosociological bases of strategy of Russia in the XXI century. М.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN). 2011. P. 145.

12. National values and Russian modernization: route recalculation: Alexander Auzan's lecture [electronic resource]. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/10/22/auzan.html>.

13. Loskutov V.A. Modernization or mobilization? // Management questions. 2010. № 1(10).

14. Gudkov L.D. Abortive modernization. М.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2011.

15. Yanitsky O.N. Social corridor of the Russian modernization [electronic resource]. URL: http://www.isras.ru/blog_modern_2.html.

16. Kryshchanovskaya O.V. Modern concepts of political elite and Russian practice // World of Russia. 2004. T. XIII. № 4.

17. Lubsky A.V. Statehood as matrix of the Russian civilization // Humanitarian year-book. №. 4. Rostov-on-Don: Publishing house of the Rostov university, 2005.

18. Lubsky A.V., Lubsky R.A. Civilization identity as factor of formation of the Russian statehood // Legal philosophy and questions of formation of modern state and legal ideology: Materials of the All-Russian scientific and practical conference on October 24–25, 2001. Rostov-on-Don: Rostov legal institute Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001.

России, 2001.

19. *Лубский Р.А.* Цивилизационная специфика российской государственности // Лосевские чтения: труды Международной ежегодной научно-теоретической конференции. Новочеркасск, май 2006 года. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2006.

20. *Гавров С.Н.* Модернизация России: постимперский транзит: монография / предисловие Л.С. Перепелкина. М.: МГУДТ, 2010.

21. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2011.

22. *Трубицын Д.В.* «Модернизация» и «негативная мобилизация». Конструкты и сущность // Социологические исследования. 2010. № 5.

23. *Зворыкин Б.Д.* Этатистская модель социальной модернизации: влияние политических режимов и современный опыт реализации // Власть. 2009. № 3.

24. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011.

25. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 08.07.2000 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>.

26. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 06.04.2001 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.kremlin.ru/text/appears/2001/04/28514.shtml>.

27. *Шаститко А.Е., Овчинников М.А.* Мобилизационный вариант модернизации конкурентной полити-

19. *Lubsky R.A.* Civilization specifics of the Russian statehood // Losevs readings: works of the International annual scientific-theoretical conference. Novocherkassk, May, 2006. Novocherkassk: UPTS «Nabla», SRSTU (NPI), 2006.

20. *Gavrov S.N.* Modernization of Russia: post-imperial transit: L.S. Perepelkin's monograph / Preface. M.: MGUDT, 2010.

21. Twenty years of reforms by eyes of Russians (experience of long-term sociological measurements): Analytical report. M.: IS Russian Academy of Sciences, 2011.

22. *Trubitsyn D.V.* «Modernization» and «negative mobilization». Constructs and essence // Sociological researches. 2010. № 5.

23. *Zvorykin B.D.* Etatistic model of social modernization: influence of political regimes and modern experience of realization // Power. 2009. № 3.

24. *Gorshkov M.K.* The Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics). M.: New chronograph, 2011.

25. Message of the President of Russia to Federal Assembly of Russia of 08.07.2000 [electronic resource]. URL: <http://www.archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>.

26. Message of the President of Russia to Federal Assembly of Russia of 06.04.2001 [electronic resource]. URL: <http://www.archive.kremlin.ru/text/appears/2001/04/28514.shtml>.

27. *Shastitko A.E., Ovchinnikov M.A.* Mobilization option of modernization of a competition policy: the bases,

ки: основания, содержание, следствия // Экономика и институты / под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2010.

28. Распоряжение Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009 г.) (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. 24 ноября № 47, ст. 5489.

29. *Волков Л.Б.* Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (Обзор англо-американской литературы) // Критический анализ буржуазных теорий модернизации. Сборник обзоров. М.: Институт научной информации по общественным наукам, 1985.

30. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 года [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

31. *Побережников И.В.* Модернизация: теоретико-методологические подходы [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm>.

32. *Чубайс А.* Российской элите не хватает интеллекта [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gosbook.ru/node/8601>.

33. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 года [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.news.kremlin.ru/transcripts/17118>.

the contents, consequences // Economy and institutes / Under the editorship of A.P. Zaostrovsev. SPb: MTsSEI «The Leontyevsky center», 2010.

28. The order of the Government of the Russian Federation of 17.11.2008 № 1662-r (an edition of 08.08.2009) «About the Concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2020» (together with «The concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2020») // The Russian Federation Code, 24.11.2008. № 47, art. 5489.

29. *Volkov L.B.* The modernization theory – revision of liberal views on political development (The review of Anglo-American literature) // The Critical analysis of bourgeois theories of modernization. Collection of reviews. M.: Institute of scientific information on social sciences, 1985.

30. Message to Federal Assembly of Russia on November 12, 2009 [electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

31. *Poberezhnikov I.V.* Modernization: theoretical and methodological approaches [electronic resource]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm>.

32. *Chubais A.* The Russian elite doesn't have enough intelligence [electronic resource]. URL: <http://www.gosbook.ru/node/8601>.

33. Message of the President of Russia to Federal Assembly of Russia on December 12, 2012. [electronic resource]. URL: <http://www.news.kremlin.ru/transcripts/17118>

34. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19825>, свободный, заглавие с экрана, рус.

35. Встреча с авторами концепции нового учебника истории [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20071>

36. *Каспэ С.И.* Империя как руины и строительный материал «Nation-building» в современной России // Политическая наука: Современные империи: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2004.

37. *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. М.: Центр гуманитарного образования, 1996.

38. *Хорос В.* Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 8.

39. *Колганов А.И.* Три модернизации в России и наше время // Политический класс. 2005. № 11.

40. *Сериков А.В.* Молодежный экстремизм на Юге России: признаки обострения и меры предупреждения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 3. С. 135–142.

34. Message of the President to Federal Assembly on December 12, 2013 [electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825>.

35. Meeting with authors of the concept of the new textbook of history [electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/20071>.

36. *Kaspé S.I.* Empire as ruins and the construction material «Nation-building» in modern Russia // Political science: Modern empires: Collection of scientific works. M.: INION of the Russian Academy of Sciences, 2004.

37. *Horos V.G.* Russian history in comparative lighting. M.: Center of arts education, 1996.

38. *Horos V.* Modernization in Russia and Japan (civilization aspects) // World economy and the international relations. 1991. № 8.

39. *Kolganov A.I.* Three modernizations in Russia and our time // The Political class. 2005. № 11.

40. *Serikov A.V.* Youth extremism in southern Russia: evidence of growing and measures to prevent // State and municipal management. Memoirs SKAGS. 2011. № 3. P. 135–142.